



## ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ В ДИНАМИКЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН В 2014–2023 гг.

**Роман Владимирович Петухов**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

[petukhovrv@yandex.ru](mailto:petukhovrv@yandex.ru),

ORCID 0000-0003-0940-9315

**Для цитирования:** Петухов Р. В. Образы и представления о будущем в динамике массового сознания россиян в 2014–2023 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 7–24. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.1. EDN KSSRCV.

**Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические концепты «образ будущего» и «представления о будущем», которые используются в социологических исследованиях будущего. Автор предлагает понимать «образы будущего» как устойчивые концептуальные конструкции, отражающие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества. «Представления о будущем» определяются в статье как ситуативные ожидания, реагирующие на такие краткосрочные вызовы, как социально-экономические и политические кризисы. Исходя из этого предположения, формулируется гипотеза о том, что образы будущего более устойчивы к внешнему воздействию, чем представления о коллективном и индивидуальном будущем. Для проверки данной гипотезы были использованы материалы массовых общероссийских опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2023 гг. Эти данные позволили показать, каким образом социально-экономические и политические кризисы последнего десятилетия оказали влияние на образы и представления россиян о будущем. Автор рассматривает в качестве одной из возможных операционализаций теоретического концепта «образ будущего» ответы на вопрос о целях развития России в XXI веке. Анализ динамики соответствующих показателей позволяет сделать вывод о том, что наиболее востребованным образом будущего является экономически развитое государство, влияющее на международные дела политическими методами. Актуальность этого образа для большей части опрошенных остаётся неизменной на протяжении всего последнего десятилетия. В качестве одного из возможных вариантов представлений о коллективном будущем, в статье анализируются мнения россиян о перспективах развития страны на ближайший год. Динамика ответов на соответствующий вопрос показывает, что восприятие «завтрашнего дня» существенным образом зависит от социально-экономической и политической ситуаций в обществе. В условиях кризисов число респондентов, пессимистично настроенных в отношении будущего, увеличивается, а доля верящих в успешное развитие страны или надеющихся на сохранение статус-кво сокращается. Проведённый в статье анализ позволяет сделать вывод о наличии оснований для более чёткого различения понятий «образ

будущего» и «представления о будущем» и необходимости дальнейших исследований для подтверждения выдвинутой гипотезы.

**Ключевые слова:** исследования будущего, футурология, будущее, образ будущего, представления о будущем, социальные изменения

**Благодарности:** исследование выполнено по теме «Личное будущее и будущее страны в массовых представлениях россиян в 2014–2024 гг.: динамика, факторы изменений, влияние на социальное поведение» (рег. номер 124091200014-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

## Введение

Думать о будущем естественно для любого человека. Известный советский физиолог и автор системного подхода, академик П. К. Анохин доказал, что человек, как и другие живые существа, не только «вписан» в основные законы пространственно-временных соотношений» [1, с. 14], но и способен предугадывать будущее в микроинтервалах времени, приспособившись к пространственно-временным структурам неорганического мира (механизм «опережающего отражения») [1, с. 24]. Тем не менее потребовалось значительное время для того, чтобы способность к рефлексорному предвидению следующего мгновения развилась в осмысленное отношение человека к индивидуальному и коллективному будущему.

Свойственное современным людям осознанное отношение к «завтрашнему дню», их способность предвидеть и планировать его, не были характерны для ранних периодов человеческой истории [2, с. 159–160]. Несмотря на то, что эсхатологический миф является частью многих древних религий и систем верований, линейное или векторное представление о времени, позволяющее думать о будущем в категориях изменения и развития, окончательно сложилось только в Средние века [2, с. 164–165]. Предметом систематического научного изучения оно стало только во второй половине XX в., когда сформировалась междисциплинарная область научных исследований будущего (Futures studies) [3, с. 5].

Естественно, что и до этого социальные мыслители задумывались о будущем. Начиная с Томаса Мора, социальные утопии, как альтернатива религиозной эсхатологии, были неразрывно связаны с прогрессом социально-философской мысли. Рисуя картины желательного общественного устройства, авторы утопий формировали образ идеального будущего, альтернативного существующей общественной организации. Н. В. Романовский отмечает, что и социологические классики со времён О. Конта конструировали идеальные (утопические) альтернативы существующему общественному устройству [4, с. 13]. Но только в 1950-х гг. стало складываться представление о том, что будущее может являться не только предметом абстрактного теоретизирования, но и изучаться методами прикладных социологических исследований. Одним из первых, кто призвал социологов изучать социальное будущее также как

существующие общества, был голландский социальный философ Фред Полак [5, с. 304], получивший широкую известность благодаря английскому переводу своей книги «Образ будущего» («The image of the future»).

Сегодня проблематика будущего находится в центре внимания как в зарубежной [6; 7; 8 и др.], так и в российской [3; 9; 10 и др.] литературе по социальным наукам. Поэтому можно считать, что призыв Полака был услышан. Однако, несмотря на очевидное внимание к проблематике будущего, понятийный аппарат этого исследовательского направления как минимум в России до конца не сформирован. В частности, отечественные авторы нередко отождествляют такие концепты, как «представление о будущем» и «образ будущего» [11; 12; 13; 14 и др.], что, по нашему мнению, в некоторых случаях приводит к искажению логики анализа и интерпретации данных эмпирических исследований.

В настоящей работе предпринята попытка более чёткого различения понятий «образ будущего» и «представление о будущем». Мы будем исходить из того, что эпистемологически эти концепты опираются на разные уровни знаний. Если «образ будущего» является концептуальной моделью, отражающей ценностные ориентиры людей, и основывается на историческом и культурном контексте, то «представления о будущем» – это ситуативные, динамично изменяющиеся ожидания, строящиеся как на эмоциональной, так и на рациональной оценке настоящего. Исходя из этого, можно предположить, что образы будущего формируются через длительный процесс осмысления идеалов и коллективных целей, следовательно, они более устойчивы и меньше подвержены краткосрочным изменениям, тогда как представления о будущем отличаются большей реактивностью и чаще меняются под воздействием актуальной социально-экономической и политической обстановки. Для проверки этой гипотезы будут использованы данные 14 волн массовых всероссийских опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в рамках мониторинговых исследований в 2014–2023 гг. (далее – Мониторинг) <sup>1</sup>.

## Образы и представления о будущем

В самом широком смысле об образе будущего мы можем говорить как о представлении. Однако Фред Полак, работа которого «Образ будущего» («The Image of the Future») положила начало активному внедрению этого

<sup>1</sup> Опросы являлись частью проектов «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018) и «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (2020–2022, 2023–2024), поддержанных РНФ. Опросы проводились в октябре 2014 г., марте и октябре 2015 г., марте и октябре 2016 г., мае и октябре 2017 г., марте и октябре 2018 г., июне 2019 г., октябре 2020 г., марте 2021 г., марте 2022 г. и июне 2023 г. Объём выборочной совокупности исследований составлял в каждой волне от 2000 до 4000 респондентов, репрезентировавших взрослое население России в возрасте 18 лет и старше по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

термина в социальные науки [3, с. 15], подчёркивал, что образ будущего – это картина мира «завтрашнего дня», разделяемая массовыми социальными группами [5, с. 14]. Образ является не просто индивидуальным представлением, но социальной конструкцией, которая формируется через культуру, религию, политику и общественные институты [3, с. 18–19]. По мнению Полака, образ будущего направляет действия людей, задаёт их идеалы и формирует стратегии общественного развития, а, следовательно, оказывает решающее влияние на общество [5, с. 5].

Например, представления о будущем у человека могут включать отдельные мысли о том, что в будущем технологии станут более развитыми или что экономика будет менее стабильной. Эти представления могут быть расплывчатыми и зависеть от личных обстоятельств или текущих событий. Образ будущего, напротив, будет включать более чёткое видение – например, представление о том, что Россия станет технологической сверхдержавой с высоким уровнем социального благополучия.

В целом же можно выделить следующие различия между «представлениями о будущем» и «образом будущего»:

- представления включают в себя фрагментированные ожидания, убеждения и мысли о грядущем, а образ, напротив, является целостной картиной будущего;
- представления о будущем могут быть противоречивыми и не конкретными, тогда как образ будущего обычно сформулирован более-менее чётко и консистентно;
- представления о будущем могут касаться индивидуальных ожиданий или страха перед неопределённостью, тогда как образ будущего чаще носит коллективный характер и формируется через социальные идеалы<sup>1</sup>;
- образ будущего тесно связан с чувственным восприятием, т. к. он включает в себя эмоциональные, символические и культурные аспекты, которые формируются через коллективные и индивидуальные переживания, мечты, страхи и надежды<sup>2</sup>, а представления о будущем имеют как чувственную, так рациональную компоненту, основанную на знании, опыте и анализе текущих тенденций.

Теоретическое различие концептов «образ будущего» и «представление о будущем», наверно, не столь значимо в общегуманитарном дискурсе

<sup>1</sup> Следует оговориться, что образ индивидуального будущего также возможен. Это более-менее целостная картина будущей жизни отдельного индивида, обладающая сильной мотивирующей силой. Однако, консистентность такого видения индивидуального будущего не может быть не связана с определённым образом коллективного будущего. Более того, «частное будущее» в значительной степени производно от «коллективного будущего». Например, для нескольких поколений советских граждан невозможно было помыслить свою жизнь вне образа коммунистического будущего и только эрозия и девальвация этой картины мира позволила людям увидеть другие перспективы.

<sup>2</sup> Поэтому нередко образы будущего выражаются через визуальные или художественные формы, такие как картины, литературные произведения, фильмы, мифы и символы.

о будущем, но кажется крайне важным при анализе результатов массовых опросов общественного мнения. Образ коллективного будущего определяет перспективы социального развития и тем самым задаёт рамки всей совокупности представлений о «завтрашнем дне».

Проведённый анализ позволяет нам конкретизировать сформулированную выше гипотезу о том, что образы будущего более устойчивы к внешнему воздействию социальной повседневности и меняются гораздо медленнее, чем представления о коллективном и индивидуальном будущем. В контексте череды социально-экономических и политических кризисов, через которые Россия проходит в течение последних десяти лет, на основе данных массовых опросов общественного мнения мы можем поставить и проверить вопрос о том, насколько эти кризисы повлияли на образы и представления о будущем современных российских граждан. В условиях жанровых ограничений научной статьи мы остановимся на анализе мнений только по двум вопросам, через которые операционализируются интересующие нас понятия, обращая внимание на динамику соответствующих индикаторов, в том числе в разрезе возрастных, образовательных, географических (типы населённых пунктов) и имущественных особенностей.

### Цели развития России в XXI в. как образ будущего

Для проверки сформулированной гипотезы о влиянии кризисов на восприятие будущего, обратимся к вопросу о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI веке. На выбор респондентам были предложены четыре цели: во-первых, возвращение статуса супердержавы, который был у СССР, во-вторых, вхождение в число наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира, в-третьих, лидерство на постсоветском пространстве и, в-четвертых, отказ от стремления к глобальным целям.

Каждой из этих целей имплицитно корреспондирует определённый образ будущего. Первая цель отсылает к образу страны с развитой экономикой, обеспечивающей не только высокий уровень жизни своих граждан, но и внешнеполитическую влиятельность. Второй образ – это сверхдержава, построенная по аналогии с Советским Союзом, т. е. страна, проводящая активную внешнюю политику в масштабах всего мира, опирающаяся на мощные вооружённые силы и оборонно-промышленный комплекс. Третий образ будущего предполагает довольно сильное сокращение амбиций во внешнеполитической сфере и переориентацию на выстраивание хороших отношений с постсоветскими странами ближайшего зарубежья. Наконец, четвёртый образ может быть охарактеризован как изоляционистский, т. е. предполагающий отказ от участия в глобальных процессах и концентрацию на внутригосударственной повестке.

Как видно из рисунка 1, на протяжении всех девяти лет с 2014 по 2023 год большинство опрошенных неизменно отдавало предпочтение образу России будущего как одной из наиболее экономически развитых и политически

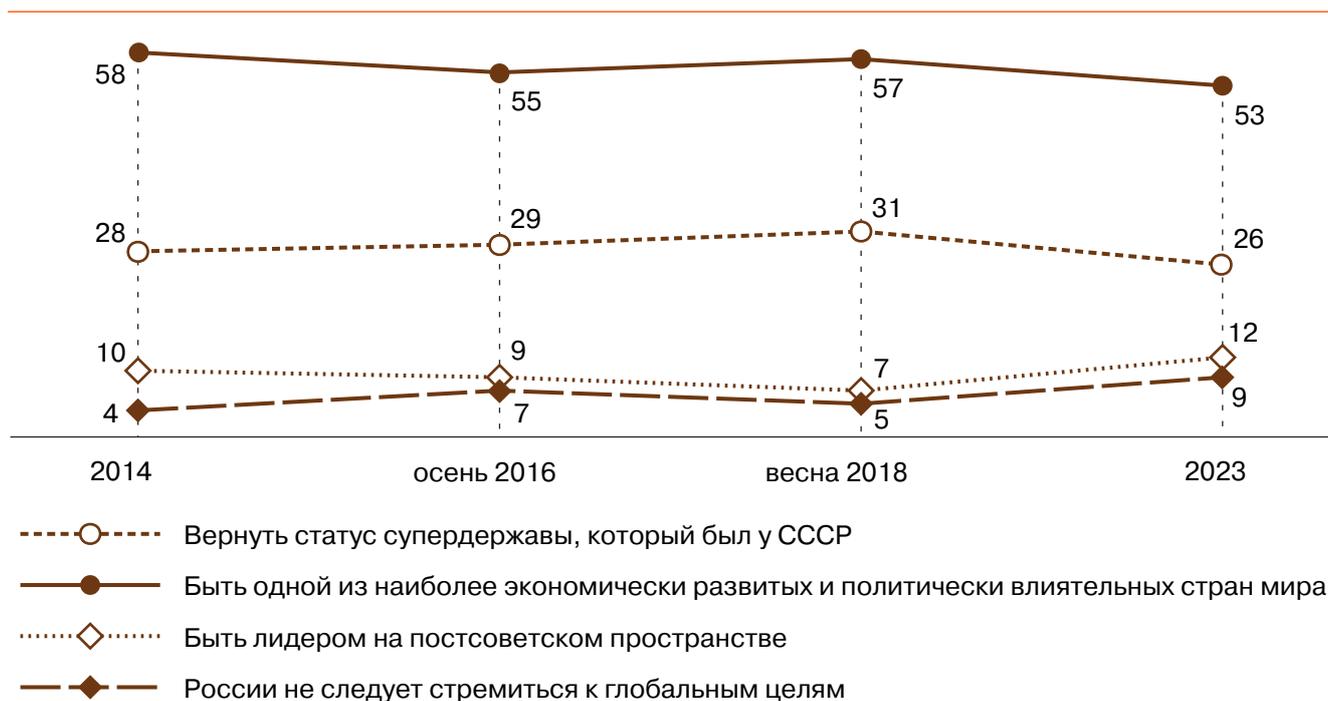


Рис. 1. Динамика мнений о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI в., %

влиятельных стран мира (максимально 58% в 2014 г. и минимально 53% в 2023 г.). Следующим по уровню востребованности идёт образ супердержавы наподобие Советского Союза (максимально 31% в 2018 г. и минимально 27% в 2023 г.). Далее с большим отставанием от двух доминирующих образов следует лидерство на постсоветском пространстве (максимум 12% в 2023 г. и минимум 7% в 2018 г.) и отказ от стремления к глобальным целям (максимум 9% в 2023 г. и минимум 4% в 2014 г.).

На протяжении всего периода наблюдений распределение мнений респондентов о целях развития страны оставалось стабильным и статистически значимые изменения произошли только в 2023 году на фоне СВО на Украине. Так, в этом году на 4 п. п. сократились доли опрошенных, видящих в качестве образа будущего экономически развитую страну и сверхдержаву советского типа (с 57 и 31% в 2018 г. до 53 и 27% в 2023 г. соответственно), и выросла поддержка лидерства на постсоветском пространстве и самоизоляции (с 7 и 5% в 2018 г. до 12 и 9% в 2023 г. соответственно). По всей видимости, в небольшом, но статистически значимом увеличении количества опрошенных, выбирающих более скромные цели для России будущего, проявляется возросший скептицизм части общества в отношении способности российского государства обеспечить прорывное развитие в экономической и/или военно-промышленной сфере.

Поляризация мнений о целях развития страны становится более заметной при анализе распределения ответов в разных социально-демографических группах.

Прежде всего следует отметить, что доминирование в массовом сознании образа экономически развитой России будущего настолько велико, что эта цель

всегда была наиболее популярной во всех возрастных когортах. Тем не менее, как видно из таблицы 1, наибольшую заинтересованность в таком эконоцентристском варианте развития проявляют молодые россияне, а наименьшую – люди пожилого возраста. Так в 2016 году, когда Россия восстанавливалась после экономического кризиса 2014–2015 гг., образ экономически развитой страны выбрали 67% респондентов в возрасте до 25 лет, что на 12 п. п. больше, чем в среднем по выборке в этот год (55%) и на 20 п. п. больше, чем в группе опрошенных старше 65 лет (47%).

Таблица 1

*Динамика мнений о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI в. в разных возрастных категориях, 2014, 2016, 2018 и 2023 гг., %*  
(темно-оранжевой заливкой выделены наибольшие значения по каждой строке, а светло-оранжевой – наименьшие значения)

Цели, к которым должна стремиться Россия в XXI в.		В целом по массиву	Возрастные группы					
			до 25 лет	от 26 до 35	от 36 до 45	от 46 до 55	от 55 до 65	после 66 лет
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	2014	28	25	26	24	34	31	36
	2016	29	17	25	26	29	37	41
	2018	31	25	25	29	32	37	40
	2023	26	17	22	24	25	33	39
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	2014	58	60	56	60	54	60	53
	2016	55	67	58	57	56	50	47
	2018	57	61	62	60	56	51	52
	2023	53	56	59	56	53	46	47
Быть лидером на постсоветском пространстве	2014	10	11	12	11	9	6	6
	2016	9	8	10	11	7	9	5
	2018	7	7	7	8	8	7	5
	2023	12	14	10	12	13	14	7
России не следует стремиться к глобальным целям	2014	4	4	6	5	3	3	5
	2016	7	8	7	6	8	4	7
	2018	5	7	6	3	4	5	3
	2023	9	14	9	8	9	7	8

При всей востребованности эконоцентристского варианта развития страны среди молодых россиян, для довольно значительной их части не чужд и образ сверхдержавы. Несмотря на то, что в 2016 и 2023 гг. в возрастной группе до 25 лет фиксировался минимальный для всех возрастных групп уровень поддержки этой цели развития (17%), в 2014 и 2018 гг. её выбирало 25% молодых

опрошенных. В свою очередь, в возрастной когорте от 25 до 35 лет доля, выбравших сверхдержаву в качестве образа будущего, не опускалась ниже 22% в 2023 году. И всё же наиболее востребован этот образ у старших поколений и особенно в возрастной группе старше 65 лет (минимум 36% в 2014 г. и максимум 41% в 2016 г.), т. е. среди тех людей, родившихся и успевших довольно долго пожить в реальной сверхдержаве, которой до определённого момента был Советский Союз.

Отдельно следует сказать о восприятии в разных возрастных группах образов России как регионального лидера и самоизолировавшегося государства. Выше уже было сказано, что в 2023 году произошёл небольшой, но статистически значимый рост популярности соответствующих целей развития. Как видно из приведённой выше таблицы, больше всего полагающих, что России в будущем следует ограничиться лидерством на постсоветском пространстве, было в возрастных группах до 25 лет и от 55 до 65 лет (как в одной, так и в другой группе 14%). Этот результат не сильно отличается от среднего по выборке (на 2 п. п.), но в два раза выше, чем у опрошенных старше 65 лет (7%). Отказ от глобальных целей в XXI веке также больше всего востребован в возрастной когорте до 25 лет, но в данном случае самые молодые респонденты заметно выделяются как на фоне среднего показателя по массиву (соответственно 14% против 9% в среднем), так и среди иных возрастных групп.

На рисунке 2 представлено распределение мнений респондентов различных социально-демографических групп относительно будущего страны.

Образ экономически развитой России будущего ожидаемо более востребован респондентами с высшим и двумя высшими образованиями, жителями мегаполисов и людьми, оценивающими свою материальную обеспеченность как хорошую. Образ сверхдержавы как цели будущего развития чаще выбирают опрошенные с низким уровнем образования, жители сельской местности и плохо материально обеспеченные. Из рисунка 2 видно, что в 2023 году вхождение в число ведущих экономически развитых стран мира было наиболее актуально для респондентов с несколькими высшими образованиями (70%, что на 17 п. п. больше, чем в среднем по массиву), жителей мегаполисов (59%) и людей с одним высшим образованием (57%). Наименее востребованной эта цель была среди опрошенных с начальным или неполным средним образованием (33%, что на 20 п. п. меньше среднего по массиву) и жителей сельской местности (50%).

Напротив, сверхдержава как образ будущего наиболее близка респондентам с минимальным уровнем образования (39%, что на 12 п. п. больше, чем в среднем по выборке) и наименее интересна обладателям нескольких высших образований (12%, что на 15 п. п. меньше среднего). Интересно, что оппозиция между опрошенными с минимальным и максимальным уровнем образования характерна и для тех, кто выбрал региональное лидерство в качестве цели для будущего развития. В данном случае доля опрошенных с начальным или неполным средним образованием достигает 20%, что на 8 п. п. больше, чем в среднем

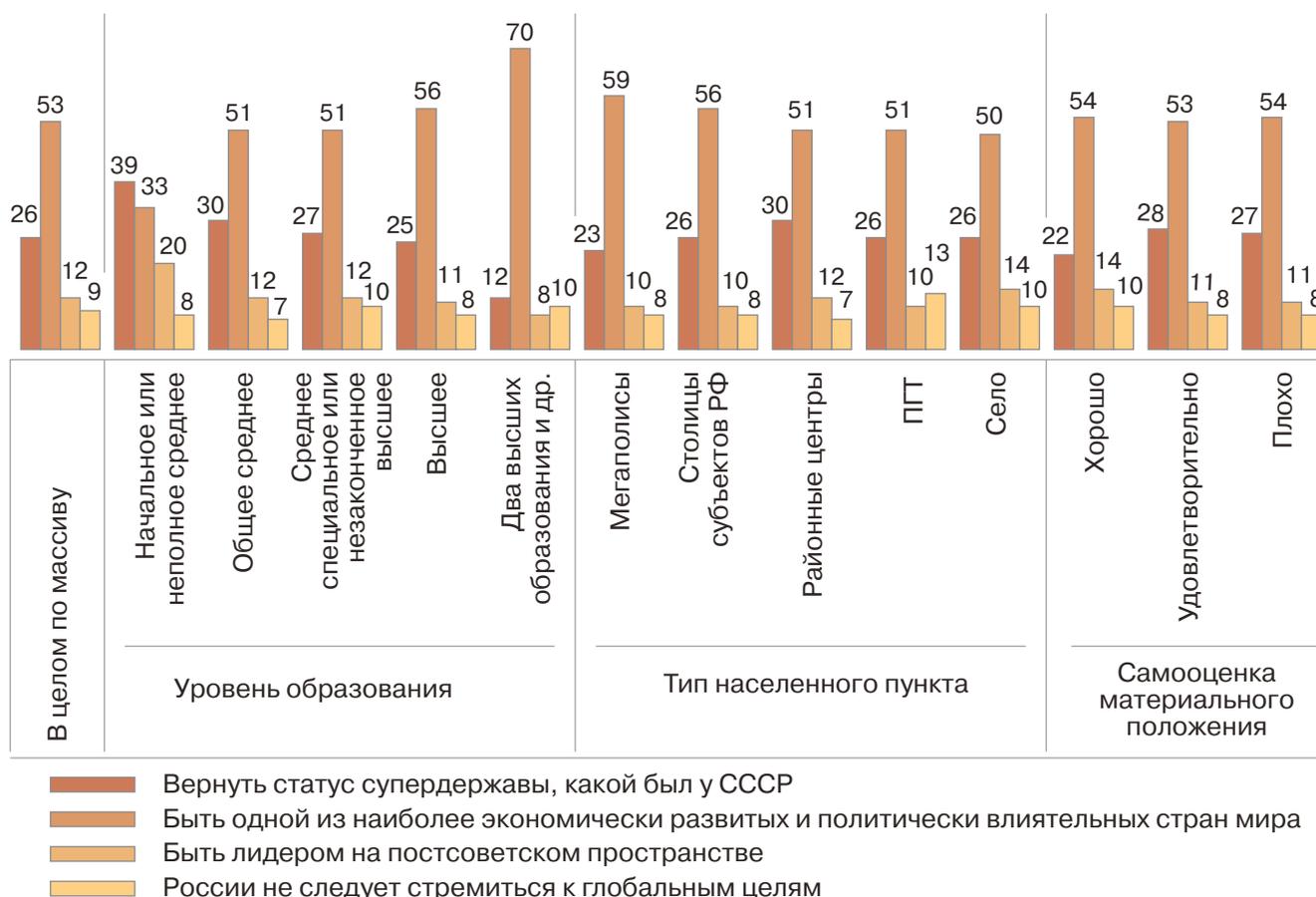


Рис. 2. Распределение мнений респондентов о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI в. в зависимости от уровня образования, типа поселений и самооценки материальной обеспеченности, 2023 г., %

по выборке (12%), а долю респондентов с несколькими высшими образованиями, наоборот, на 4 п. п. меньше (8%). Сторонников отказа от глобальных целей больше всего среди жителей посёлков городского типа (ПГТ) (13%, что на 4 п. п. больше среднего) и меньше всего среди респондентов, живущих в районных центрах, и людей со средним образованием (в обоих случаях – 7%, что на 2 п. п. меньше среднего).

В целом данные о целях развития России в XXI веке позволяют сделать вывод о том, что большинство россиян разделяет образ будущего страны как экономически развитого государства, влияющего на международные дела политическими методами. Поддержка этого варианта коллективного будущего устойчива и практически не подвержена снижению даже во время такого серьёзного кризиса, как СВО на Украине. Вторым по значимости образом будущего и почти таким же устойчивым, как первый, является возвращение Россией статуса сверхдержавы по аналогии с Советским Союзом. Несмотря на некоторый рост востребованности (особенно у молодёжи) образа России как лидера на постсоветском пространстве и идеи отказа от глобальных целей, эти варианты будущего пользуются минимальной поддержкой у россиян.

## Представления о коллективном будущем в краткосрочной перспективе

Представления как о коллективном, так и индивидуальном будущем содержат в себе значительную долю рационального расчёта, т. к. при их формировании учитывается не столько идеальное видение завтрашнего дня, сколько существующее сегодня положение дел. Именно эта особенность заставляет нас предполагать, что представления о будущем более подвержены влиянию социально-экономических и политических кризисов. Причём чем о более короткой временной дистанции идёт речь, тем большую динамику демонстрируют массовые настроения.

Приведённые ниже данные (см. рис. 3) о том, как на протяжении последних девяти лет россияне оценивали перспективы развития страны в ближайший год, подтверждают сделанное нами предположение. Представления опрошенных о ближайшем коллективном будущем отличаются динамизмом и неустойчивостью. В течение всего периода наблюдения преобладали негативные ожидания, которые то усиливались, то ослаблялись, откликаясь на внутри- и внешнеполитические процессы.

Как видно из приведённого выше рисунка, с ростом в российском обществе социально-экономической и политической напряжённости усиливались



Рис. 3. Динамика мнений о перспективах развития России в ближайший год, %

негативные ожидания от ближайшего будущего. Напротив, нормализация ситуации способствовала увеличению числа россиян, ожидающих в течение следующего года успешного развития страны или сохранения статус-кво.

Так, в 2014 году 25% опрошенных верили в успешное развитие России в ближайший год, но уже весной 2015 г. этот показатель снизился до 19%. В этот момент российское общество столкнулось с эффектами кризиса, последовавшего после Крымской весны. По мере адаптации общества к новым условиям осенью 2015 г. наблюдался незначительный рост позитивных оценок до 22%. В 2016 году доля оптимистов стабилизировалась на уровне 20–21%. Далее этот показатель начинает расти и достигает пика в 32% весной 2018 г. В этот период российское общество чувствовало стабилизацию ситуации в стране и в международных отношениях, символом чего стал прошедший в России летом 2018 г. Чемпионат мира по футболу. Однако с осени этого года оптимизм начинает падать, и к 2020–2021 гг. его уровень достигает минимума – всего 13%. Этот спад в значительной степени может быть объяснён пандемией COVID-19 и её экономическими последствиями. С началом СВО в 2022 году, уверенных в успешном развитии страны не прибавилось, но в 2023 году доля оптимистичных оценок начинает расти. В этом году 27% опрошенных ожидали успешного развития страны в течение ближайшего года.

Как видно из приведённого выше рисунка, динамика негативных представлений почти всегда была зеркальна по отношению к позитивным, т. е. увеличение доли уверенных в успешности развития сопровождалось сокращением числа тех, кто ожидал трудных времён и наоборот.

А вот представление о неизменности положения дел в стране в ближайшем будущем имело собственную траекторию. В 2014 году 25% респондентов считали, что в ближайший год в России не произойдут значительные изменения, но уже весной 2016 г. этот показатель увеличивается до 31%. Осенью 2016 г. и весной 2017 г. он достиг одного из своих пиковых значений (39%), а потом немного снизился и вышел на плато. С осени 2017 г. по осень 2018 г. доля уверенных в неизменности существующего положения находилась на уровне 35–37%. В 2019 году процент уверенных в том, что в краткосрочной перспективе ничего не поменяется, достиг своего пикового значения в 40%. Начало острой стадии пандемии коронавируса COVID-19 и конституционная реформа, пришедшиеся на 2020 год, привели к снижению на 4 п. п. доли уверенных в неизменности «завтрашнего дня», но уже в 2021 году она снова выросла до 40%. А вот с началом СВО в 2022 году этот показатель обвалился сразу на 31 п. п. и достиг своего минимума в 9%. Пожалуй, это одно из самых ярких свидетельств того, каким образом начало боевых действий на Украине повлияло на российское общество. В следующем 2023 году процент уверенных в том, что в России в ближайший год ничего принципиально не изменится, выросло до 18%. Это свидетельствует об активной адаптации части российского общества к новым социально-экономическим и политическим условиям. Похожая ситуация наблюдалась на начальном этапе наблюдения в 2014–2016 гг., когда

доля уверенных в неизменности ситуации в стране росла по мере приспособления к новой реальности.

Как и в случае с образом будущего, представления о коллективном «затрашном дне» имеют существенные различия в разных возрастных группах. Молодые респонденты демонстрируют заметно более оптимистичное видение будущего, чем представители старших возрастных групп. Если говорить о самой младшей когорте (до 25 лет), то её представления ещё и наиболее стабильны. Как видно из таблицы 2, в этой группе было больше всего уверенных в том, что страна будет успешно развиваться в следующем году, и меньше всего тех, кто ожидает трудных времён. Исключением является 2023 год, когда максимальная доля «оптимистов» была зафиксирована в возрастной группе «26–35 лет» (35% против 27% в среднем по выборке).

Таблица 2

*Динамика мнений о перспективах развития России в ближайший год в разных возрастных категориях, % (темно-оранжевой заливкой выделены наибольшие значения по каждой строке, а светло-оранжевой – наименьшие значения)*

Цели, к которым должна стремиться Россия в XXI в.	В среднем по выборке	до 25 лет	от 26 до 35	от 36 до 45	от 46 до 55	от 55 до 65	после 66 лет	
Страна будет развиваться успешно	2014	25	33	27	25	24	22	19
	весна 2016	20	25	20	19	17	23	16
	осень 2018	18	23	20	17	16	16	18
	2021	15	19	15	14	13	14	14
	2023	27	27	35	29	23	31	21
Страну ждут трудные времена	2014	49	38	48	51	52	56	55
	весна 2016	48	44	45	52	51	46	56
	осень 2018	47	40	45	46	50	54	47
	2021	45	40	42	45	45	48	52
	2023	55	45	46	55	59	55	60
Ничего принципиально не изменится	2014	26	29	25	24	24	22	26
	весна 2016	32	31	35	29	32	31	28
	осень 2018	35	37	35	37	34	30	35
	2021	40	41	43	41	42	38	34
	2023	18	28	19	16	18	14	19

Как видно из приведённой выше таблицы, наиболее пессимистично настроенными являются пожилые респонденты. В 2014 и 2018 гг. больше всего уверенных в том, что страну ждут трудные времена, было среди респондентов в возрасте от 55 до 65 лет (соответственно, 56 и 54% против 49 и 47% в среднем), а в 2016, 2021 и 2023 гг. – в возрастной когорте старше 65 лет (соответственно,

56, 52 и 60% против 48, 45 и 55% в среднем). Несмотря на то, что пожилые люди менее уверенно и более пессимистично смотрят на ближайшее будущее страны, их мнения не так сильно отличаются от позиции средневозрастных групп (36–45 и 46–55 лет), которые ближе всего к средним показателям по массиву.

Уровень образования, тип населённого пункта и самооценка материального положения также дифференцируют представления о перспективах развития России в ближайший год (см. рис. 4).

Чаще других ожидают трудных времён наиболее образованные респонденты, жители мегаполисов и посёлков городского типа, а также плохо материально обеспеченные россияне (см. рис. 4). Например, в 2023 году пессимистическое видение «завтрашнего дня» было у 60% опрошенных с несколькими высшими образованиями, что на 5 п. п. превосходит средний показатель по выборке (55%) и на 9 п. п. больше, чем в самой массовой группе опрошенных со средним образованием (46%). Среди жителей мегаполисов и ПГТ доля «пессимистов» составляла 64 и 62%, соответственно, что больше среднего на 9 и 7 п. п. Наконец, больше всего ожидающих трудных времён было среди респондентов, оценивающих своё материальное положение как плохое (67%, что на 12 п. п. больше, чем в среднем). В этих же группах было меньше всего уверенных в успешном развитии страны.

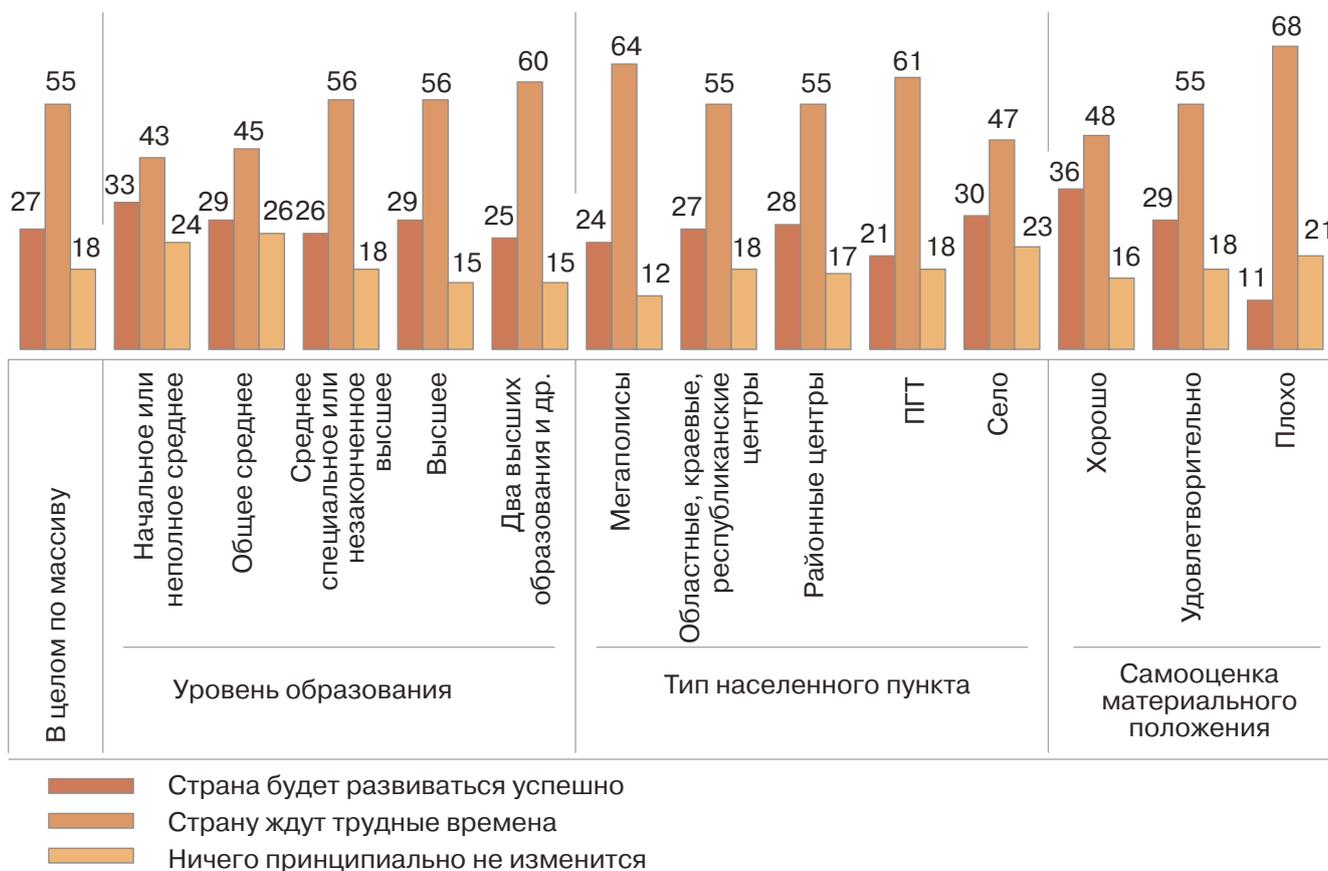


Рис. 4. Динамика мнений о перспективах развития России в ближайший год в зависимости от уровня образования, типа поселений и самооценки материальной обеспеченности, 2023 г., %

Наиболее оптимистично настроенными по отношению к ближайшему будущему России являются обладатели начального или неполного среднего образования (33% против 27% в среднем по выборке), жители сельской местности (30%) и хорошо материально обеспеченные (36%). Наконец, мнение о том, что в ближайшем будущем ничего принципиально не изменится, чаще других было характерно для респондентов со средним (26% против 18% в среднем) и начальным образованием (24%), а также для опрошенных, проживающих в сельских населённых пунктах (23%).

Таким образом, анализ данных массовых опросов общественного мнения наглядно демонстрирует наличие существенной динамики в оценках перспектив развития России в будущем году. Особо заметные колебания долей оптимистов и пессимистов приходятся на периоды социально-экономических и политических кризисов. Как правило, при вхождении в сложную социальную ситуацию уверенность россиян в успешном завтрашнем дне резко падает. Можно утверждать, что глубина этого спада отражает остроту и продолжительность кризисной ситуации. При этом восстановление оптимизма всегда происходит довольно медленно и не всегда достигает предыдущих уровней. В совокупности это подтверждает наше предположение о том, что представления о коллективном будущем демонстрируют существенную динамику в условиях социально-экономических и политических кризисов.

## Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что проанализированные выше данные массовых опросов общественного мнения подтверждают нашу гипотезу о том, что образы будущего более устойчивы и меньше подвержены изменениям, в том числе по воздействию общенациональных кризисов, чем представления о будущем. По сути, они являются двумя различными уровнями восприятия массовым сознанием завтрашнего дня. Образы будущего остаются стабильными на протяжении многих лет, т. к. отражают глубокие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества. Они формируются на основе исторического опыта и коллективных идеалов, что делает их менее чувствительными к краткосрочным изменениям социально-экономической и политической ситуации. В свою очередь, представления о будущем носят более динамичный характер и реагируют на актуальные события. В периоды кризисов, таких как экономические потрясения или международные конфликты, резко усиливается пессимистическое видение будущего и снижается уверенность в успешности развития страны.

Для того, чтобы считать тезис о необходимости различения понятий «образ будущего» и «представления о будущем» окончательно доказанным, нужны более глубокие изыскания, демонстрирующие их существенно различное социальное содержание. Одним из направлений таких исследований может стать анализ других операционализаций этих концептов. Вместе с тем уже сейчас

можно говорить о важности различения при анализе восприятия будущего в массовом сознании долгосрочных ценностных ориентиров (образов будущего) и краткосрочных ожиданий (представлений о будущем). Такая дифференциация позволяет более точно понимать, как общество реагирует на социально-экономические и политические изменения.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М. : Медицина, 1968. 547 с.
2. Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология ; под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. М. : Изд. «Наука», 1971. С. 159–198.
3. Желтикова И. В. Образ будущего : монография. Орёл : Изд-во «Картуш», 2021. 164 с. ISBN 978-5-9708-0901-6. EDN [DSHHFS](#).
4. Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11 (379). С. 13–22. EDN [VBZYQR](#).
5. Polak F. The Image of the Future. NY : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 319 p. ISBN 0-444-41053-8.
6. Bell W. Public Sociology and the Future: The Possible, the Probable, and the Preferable // Handbook of Public Sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2009. P. 89–105.
7. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing times // Futures. 2013. № 45. P. 38–44. DOI [10.1016/j.futures.2012.11.011](#).
8. Krafft A. M. Our Hopes, Our Future: Insights from the Hope Barometer. Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2023. 179 p. ISBN 978-3-662-66204-5. DOI [10.1007/978-3-662-66205-2](#).
9. Цой Л. Н. «Будущее» как социологическое понятие // Мир психологии. 2013. № 2 (74). С. 120–134. EDN [QANUSR](#).
10. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодёжи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](#). EDN [HMLFLO](#).
11. Абрамова С. Б. Образ будущего в представлениях современных подростков: ожидания и страхи // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 3. С. 97–106. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12](#). EDN [YVCQLJ](#).
12. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодёжи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 101–107. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](#). EDN [OJUWVV](#).
13. Ильичева М. В. Образ будущего страны в представлениях студенческой молодёжи России: трансформация в условиях перемен и кризисных потрясений // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 39–56. DOI [10.24412/2071-6141-2023-3-39-56](#). EDN [BVLONY](#).
14. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Образ будущего страны: восприятие региональным сообществом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 13–19. DOI [10.24412/2071-6141-2023-1-13-19](#). EDN [GJSXBM](#).

## Сведения об авторе

### Р. В. Петухов

кандидат юридических наук,  
ведущий научный сотрудник  
SPIN-код: 7618-2300

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024;  
принята к публикации 28.01.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.1)

# IMAGES AND EXPECTATIONS OF THE FUTURE IN THE DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS IN 2014–2023

**Roman Vladimirovich Petukhov**

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

[petukhovrv@yandex.ru](mailto:petukhovrv@yandex.ru),

ORCID [0000-0003-0940-9315](https://orcid.org/0000-0003-0940-9315)

**For citation:** Petukhov R. V. Images and expectations of the future in the dynamics of mass consciousness of Russians in 2014–2023. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):7–24. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.1).

**Abstract.** The article is devoted to the analysis of the distinction between the concepts of “image of the future” and “expectations of the future” as important theoretical constructs for analyzing mass consciousness. The author proposes to understand “images of the future” as stable conceptual frameworks that reflect the cultural and value orientations of a given society. “Expectations of the future” are defined in the article as situational anticipations that respond to short-term challenges such as socio-economic and political crises. Based on this distinction, the author formulates the hypothesis that images of the future are more resistant to external influences than collective and individual expectations of the future. To test this hypothesis, the author refers to data from mass public opinion surveys conducted by the Institute of Sociology, FCTAS RAS, from 2014 to 2023. These data illustrate how the socio-economic and political crises of the last decade have affected Russians’ images and expectations of the future. One possible operationalization of the theoretical concept of the “image of the future” is examined through respondents’ answers to the question about Russia’s development goals in the 21st century. Analysis of the dynamics of these indicators reveals that the most prevalent image of the future is that of an economically developed state that influences international affairs through political means. The relevance of this image for the majority of respondents has remained constant over the past decade. As one possible representation of collective expectations for the future, the article analyzes Russians’ opinions about the country’s prospects in the near future. The dynamics of responses to this question show that perceptions of the “tomorrow” are significantly influenced by the socio-

economic and political situation. During crises, the proportion of pessimistic respondents increases, while those who believe in the successful development of the country or hope for the preservation of the status quo decreases. The analysis presented in the article allows the author to conclude that there are grounds for a clearer distinction between the concepts of “image of the future” and “expectations of the future” and highlights the need for further research to validate the hypothesis.

**Keywords:** future studies, futurology, future, image of the future, ideas about the future, social changes

**Acknowledgments:** the study was conducted on the topic “Personal future and the future of the country in the mass perceptions of Russians in 2014-2024: dynamics, factors of change, impact on social behavior” (registration number 124091200014-0) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

## REFERENCES

1. Anoxin P. K. Biology and neurophysiology of conditioned reflex [Biologiya i nejrofiziologiya uslovnogo refleksa]. Moscow: Medicina; 1968. 547 p. (In Russ.).
2. Gurevich A. Ya. Ideas about time in Medieval Europe [Predstavleniya o vremeni v srednevekovoj Evrope] In: B. F. Porshnev and L. I. Antsyferova, eds. History and psychology. Moscow: Nauka; 1971. P. 159–198. (In Russ.).
3. Zheltikova I. V. The Image of the future. Orel: Kartush; 2021. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9708-0901-6.
4. Romanovskij N. V. Future as a problem of contemporary sociology. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2015;(11):13–22. (In Russ.).
5. Polak F. The Image of the Future. New York: Elsevier Scientific Publishing Company; 1973. 319 p. ISBN 0-444-410553-8.
6. Bell W. Public sociology and the future: the possible, the probable, and the preferable. In: V. Jeffries, ed. Handbook of Public Sociology. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2009. P. 89–105.
7. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing times. *Futures*. 2013;(45):38–44. DOI [10.1016/j.futures.2012.11.011](https://doi.org/10.1016/j.futures.2012.11.011).
8. Krafft A. M. Our hopes, our future: insights from the hope barometer. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg; 2023. 179 p. ISBN 978-3-662-66204-5. DOI [10.1007/978-3-662-66205-2](https://doi.org/10.1007/978-3-662-66205-2).
9. Tsoy L. N. Future as a sociological concept. *The world of psychology=Mir psixologii*. 2013;2(74):120–134. (In Russ.).
10. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2023;16(3):39–52. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
11. Abramova S. B. The way of the future in the views of today's youth: expectations and fears. *Logos et Praxis*. 2017;16(3):97–106. (In Russ.). DOI [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12).
12. Vilkov A. A. Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (regional case). *News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology=Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2022;22(1):101–107. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107).
13. Ilyicheva M. V. The image of the country's future in the views of russian students: transformation in the face of changes and crisis shocks. *News of Tula State University*.

*Humanities=Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauk.* 2023;(3):39–56. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-6141-2023-3-39-56](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-39-56).

14. Batanina I. A., Lavrikova A. A., Shumilova O. E. The image of the country's future: perception by the regional community. *News of Tula State University. Humanities=Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauk.* 2023;(1):13–19. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-6141-2023-1-13-19](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-13-19).

## Information about the Author

### **R. V. Petukhov**

Candidate of Law,

Leading Researcher

ResearcherID: [P-7947-2016](https://orcid.org/0009-0001-7947-2016)

Scopus AuthorID: [57202086532](https://orcid.org/0009-0001-7947-2016)

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 28.01.2025.